

Саша Кругосветов

УЖЕ ИЛИ ЕЩЁ?

Литературная Россия

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос-Рус)6
К84

Кругосветов, С.

К84 Уже или ещё? / С. Кругосветов. – М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM / Литературная Россия / Интернациональный Союз писателей. – 264 с.

ISBN 978-5-519-66127-0

В новую книгу Саши Кругосветова вошли рассказы и лирические зарисовки, ранее публиковавшиеся в еженедельнике «Литературная Россия», а также произведения, не вписавшиеся в объём газетных полос, но оценённые в литературно-критических статьях на страницах издания.

«Уже или ещё» — этот вопрос мы задаём себе и в пятнадцать, и после шестидесяти. В народе говорят: «Если бы молодость знала, если бы старость могла». Но, на самом деле, и в юности можно сделать зрелый выбор, и в солидных годах — ощущать внутреннюю молодость. Об этом, об исканиях и обретении счастья, любви, свободы и рассказывает данная книга.

BIC FA
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-519-66127-0

© Саша Кругосветов, 2019
© Издательство «Литературная Россия», 2019
© Интернациональный Союз писателей, 2019
© Т8 Издательские технологии, 2019

Сладкий вкус молодости

Что за фрукт хурма

Я спросил сегодня у менялы,
Что дает за полтумана по рублю,
Как сказать мне для прекрасной Лалы
По-персидски нежное «люблю»?

С. А. Есенин

Это было в начале семидесятых. Я спросил у прекрасной Кэто из небольшого горного села:

– Скажи, Кэто, как по-грузински будет «здравствуй»?

– «Гамарджоба» по-грузински – «здравствуй!».

– А как будет «спасибо»?

– «Гмадлобт!» – «благодарю вас», а «диди мадлоба» – «большое спасибо!»

– «Привет, девочка, какая ты красивая!» – как это сказать?

Кэто долго смеялась, а потом ответила:

– «Салами гогона ра ламизи харр!»

Я все записал русскими буквами. Потом читал то, что было записано, и девушка опять смеялась, видимо – над моим плохим произношением. Мы сидели в саду дома ее родителей. Вокруг все было в синем – беседка в синих цветах клематиса, приглушенная синева темных гор, высокая синева неба и ярко-синие глаза Кэто.

– А как сказать, Кэто: «я люблю тебя»?

– Грузинский парень говорит любимой девушке: ме шен миквархар!

– Ме шен миквархар, Кэто!

Кэто всплеснула руками от удивления.

– Ме шен миквархар, Кэто! Ме шен миквархар, Кэто! – без конца повторял я, и она хохотала так, что слезы текли из ее красивых глаз.

Прошло совсем немного времени, я опять оказался в Грузии. Познакомился с симпатичным стариком и пригласил его посидеть в маленьком кафе на берегу моря. Мы ели хачапури, грузинские лепешки с сыром, запивали их зеленым чаем и разговаривали. Темное море приветствовало нас тысячами белозубых улыбок прибой. На столе в вазочке стоял синий цветок клематиса.

Я рассказал историю своего знакомства с Кэто. Потом достал записи, читал то, что надиктовала Кэто, и спрашивал, правильно ли это записано.

– Правильно, – отвечал мой собеседник, – и это правильно, и это тоже правильно.

– А скажи мне, бабу (дедушка), что означает: «ме шен миквархар»?

Бабу улыбнулся, задумался. Ответил не сразу. Кровь застучала у меня в висках.

– Что ты так побледнел, мой друг? Видно, зацепила-таки твое сердце нежная Кэто.

Старик опять немного помолчал.

– Не стану обманывать. Есть такая грузинская пословица, по-русски она звучит так: «может ли знать осел, что за фрукт хурма?»

Мы весело посмеялись над тем, как ловко подшутила надо мной юная проказница. Я не чувствовал никакой обиды. Мне понравилась невинная шутка прелестной Кэто, и впоследствии я иногда рассказывал эту историю своим друзьям.

Много лет минуло с тех пор. Однажды темным зимним вечером мне позвонил давний друг и почему-то вспомнил этот симпатичный

эпизод моей юности. Я открыл интернет и набрал на синем экране: «ме шен миквархар». Бесстрастный компьютер ответил: «я люблю тебя»! Вот это да! Значит, Кэто вовсе не высмеивала меня и все правильно продиктовала. А обманул, вернее, подшутил надо мной, лукавый старик. Да нет, почему подшутил? – напрямую сказал то, что думает. Но ведь он был прав, тот «бабу»: осел не знает вкуса хурмы, «варма ра ицис хурма ра хилиао» – вот как это звучит по-грузински. На высоком дереве растет хурма, откуда ослу знать, что это за фрукт?!

Вкуса-то он не знает, а вот любить сладкую хурму никто не может ему запретить – «ме шен миквархар, Кэто!»

Поселок

В гранитах скал – надломленные крылья.
Под бременем холмов – изогнутый хребет.
Земли отверженной – застывшие усилья.
Уста Праматери, которым слова нет!

Максимилиан Волошин

Туриста, приехавшего в этот южный поселок, ждет неминуемое разочарование. Его утомленный, распаренный и застоявшийся внутренний взор ждет богатого бега рельефа, открывающихся просторов моря и буйных потоков зелени. Хочется, очень хочется, чтобы в нашей жизни все соответствовало простым и понятным идеалам – чтобы работа была творческой и высокооплачиваемой, квартира – многокомнатной, жена – красивой, доброй и послушной, а причерноморский поселок – тенистым и уютным.

Поселковый пейзаж, который впервые видит вышедший из автобуса турист, довольно бестактно сообщает, что надо забыть о своих камерных представлениях о счастье и из всех благ юга довольствоваться только жарой, чахлой и редкой запыленной растительностью, пересохшим руслом речки и плоским неприглядным пейзажем.

Турист приехал один. Он вздыхает и обращается к единственному своему собеседнику голосом, в котором он спрятал остатки своих теплых чувств: «Ну что, душа, принимаешь?» Душа не принимает. Что же делать? Тогда подвинься душа... Одиноким путешественником помещает свое «я» немного в сторонке, а сам, в соответствии с рекомендациями модного тогда в полуинтеллигентной среде индуизма, решается окунуться с головой в окружающую его грязь и серость жизни.

Медленно и грустно бредет он по сухой, растрескавшейся и пыльной дороге – кто примет одинокого мужчину?

...нет, только семейных...

...если б вас было четверо, ищите троих...

...на двадцать дней можно, на десять не возьму...

...ну ладно уж, живите в коридоре за занавеской.

День прошел, теперь помыться и спать, а завтра – в море.

Спи, ешь, купайся, снова ешь, стой в очередях, везде пыль, пыль, смотри на пыль, ты не знаешь еще, как воздастся тебе за терпение и умение с достоинством нести свой крест.

Пойди от поселка влево. Что ты увидишь? Выжженную степь, покрытую верблюжьей колючкой. Землю, пережившую все времена и народы, старую и уставшую, неспособную больше рожать траву, цветы и кустарник.

Полупустыня перекачивается мягкими волнами. Ничего лишнего в этом скупом пейзаже, формы холмов – идеальные, без мелких деталей и растительности. Бежит, бежит глинистое море, покрытое желто-серой колючей кожей, бежит, горбится, торопятся навстречу ему бирюзовые черноморские волны, грызут глину белыми зубами прибора.

Заберись на самый высокий холм – ты увидишь, глядя на линию горизонта, округлость нашей земли, ее величественные формы, пытающиеся скрыться в дымке влажного воздуха. На морской глади планеты – озноб, темные пятна от порывов ветра строят

причудливые фигуры – модели неизвестного нам, чужого мира, для которого наша планета – Солярис.

Чем дальше от поселка, тем круче нрав холмов, обрывистой и причудливой берега, уже галечные пляжи. Бегите, волнуйтесь застывшие волны земли!

Время и ветры разгладили морщины этих склонов. Взору реалиста не за что зацепиться – не углядеть ни одной случайной подробности, подтверждающей факт существования этих холмов и склонов. Все вокруг кажется сделанным фантазией и силой художника, тяготеющего к абстрактным формам.

Упрямый бег холмов создает иллюзию искривления пространства. Уж не грезятся ли нам эти формы, существующие на самом деле только как миражи в могучих потоках теплого и холодного воздуха, с различной скоростью поднимающихся к бездонному небу?

Когда спускаешься крутой извилистой тропой, посмотри на ближайший соседний холм. Вот он вздымается совсем рядом, вертикальной стеной, по которой ты пройдешь через несколько минут. Кажется, протяни руку и достанешь до его склона. Теперь опусти глаза – видишь? – путь к склону лежит через дно пропасти, ложбину, которая находится далеко внизу. Здесь что-то не по правилам, здесь без искривления пространства не обошлось. Оглянись по сторонам: в фас все склоны имеют отрицательный уклон, в профиль – положительный. Какой чудный праздник трехмерного пространства устроили здесь для путника боги земли!

Гнев природы закипает все сильнее, все выше и круче поднимаются окрестные холмы и горы и все труднее удержаться им в округлых, гармоничных формах. Склоны гор трескаются и разламываются ровными гранями. Трещины украшают их кубическими изображениями деревьев и кустарника. Глинистые плоскости разломов чутко реагируют на движение солнца сменой пепельных, сиреневых, желтых и зеленоватых тонов. Пейзаж скручивается в тугие водовороты и, не выдержав напряжения, разваливается на тысячи, мелких осколков, призм, кубов, огромные груды ограненный

гранитных геотел. Пробираясь через завалы, напоминающие горы битой посуды мифологических супергигантов, невольно заражаешься энергией и экспрессией этого пейзажа.

Потоки глиняного моря выбрасывают за береговую черту гейзеры мысов. Вот мыс в форме кита, он так сильно выдвинулся в море, что едва не оторвался от берега. Высокий, длинный мыс, сложенный из кила, опирается – стоит, лежит, как лучше сказать? – на каменную плиту и имеет в разрезе форму готической стреловидной башни. Его обрывистые берега, срезанные и отполированные волнами, смыкаются вверху под острым углом, оставляя место лишь для узкой, извилистой тропы. Серая дорожка чуть присыпана сверху шоколадной крошкой мелких острых камешков.

Волны вырезали на стенках мыса затейливый узор. Кажется, что мыс собран из спускающихся под разными углами гирлянд призм. В течение дня лучи солнца по-разному освещают грани этих призм, и мыс переливается волшебными цветами на фоне окружающих его гор.

Этот глиняный кит – как апофеоз пейзажа, как последний яростный крик, который позволяет успокоиться ландшафту. Степь выравнивается, раскрывается широкой низкой долиной и роскошной, плавной, тишайшей бухтой с пологим дном и песчаным пляжем. Чтобы оградить эту умиротворенность и спокойствие природы, бухта в километре от берега замыкается на небольшой глубине каменной перемычкой. Местами эта перемычка выступает из воды небольшими скалами и камнями, приютом бакланов, чаек и редких отчаянных пловцов.

Но взглянем через тихую гладь моря на дальние берега. Там природа опять приходит в движение, волнуется, вздымается горами и мысами. Иди по берегу, отдыхай, купайся, снова иди, сравнивай его со своей жизнью и учись получать удовольствие от каждого данного момента, а также от того, что тебе вспоминается или представляется, глядя мысленным взором назад или вперед вдоль своего пути.

Если ты привык к палящему южному солнцу, кожа твоя задубела от морской соли и ветра, тело стало гибким и выносливым, если душа твоя отдохнула в спокойствии тихих бухт и созерцании гладких холмов, если она готова уже ринуться вниз с прохладных разреженных высот абстракций в душную, горячую атмосферу реальной жизни, где друзей и природу надо воспринимать непосредственно и без рассуждений, – оглянись еще раз по сторонам.

Вплотную к поселку справа примыкают коричневые и зеленые отроги живописного горного массива. Эти горы, капризом природы стремительно поднявшиеся над равниной моря, сморщились многочисленными кожистыми складками, покрытыми дерном и кустарником. Изобилующие конкретными деталями – пиками, выступами, обрывами, ручьями, осыпями и разнообразной субтропической растительностью, горы эти контрастируют с выхолощенными пейзажами далеких пустынных бухт и словно курортные красавицы привлекают путешественников своим веселым нравом и доступностью.

В центре массива видны мягкие очертания горы Святой. Центральная гора окаймляется полукругом круто падающих в море горных хребтов. В долине между ними пасутся стада кудрявого низкорослого кустарника.

Можно представить себе, что эту долину соорудил бородач Саваоф, играя в песочек на берегу ласкового моря. Он опустил могучие руки в склон горы и вытащил подкову хребтов из недр земли. Тяжелые базальтовые валы опрокинулись в море фантастическими обрывами, возмущенный камень взвился к небу огненными языками и застыл причудливым костром вытянутых, изогнутых скал. Саваоф осмотрел получившуюся небольшую горную страну и решил усилить декоративные эффекты этой своей миниатюры. Он вставил лупу в гигантский глаз и долго шлифовал скальные выступы, сделав из них дома, ворота, зверей, баб и мужиков. А теперь, дружок, шепнул он на ухо одинокому путешественнику, возьми своих приятелей, погуляй вволю по этому маленькому горному парку и посмотри на мои чудеса.

За последним домом поселка дорожка резко, без предупреждения поднимается вверх. Загибаясь за округлость горы, дразнит, зовет вперед, маня кажущимся окончанием подъема. Душа гор бежит перед путниками, разматывая извилистую тропу; горы тяжело дышат, пульсируя складками рельефа, и на их разгоряченной коже дрожит марево. Каменное тело гор сохнет и трескается от тяжелого подъема. Погоди, вот уж я тебе... Мокрый, живой как ртуть человек – ни в силе, ни в скорости не уступят тебе эти горы.

Сердца путников бешено колотятся в такт с пульсом гор, лица заливают едкий пот, в кеды впиваются острые выступы скал – погоди, уж я тебя догоню... Но подъем сменяется подъемом, а перевала, к которому стремятся путники, не видно.

Разговоры, шутки, смех утихают.

Дыши глубже, ступай на пятку, голову выше, работай руками...

Вот увлеченность стремительным движением; так самозабвенно бежим мы по темному тоннелю жизни, жадными глазами следим за светлым окошком впереди, добегаем, а там уже могила.

Остановись, дорогой, успокойся.

По сторонам растут кизил и шиповник, покрытые серебряной пылью.

Оглянись – у твоих ног обрыв. Внизу поселок, маленький и ненатуральный, как географическая карта; за ним – неоглядные просторы. Утреннее солнце набросало множество мельчайших ярко-желтых осколков, рассыпанных дорожкой по голубому телу моря.

Погляди вперед – ближе уже ярко-зеленый перевал.

Не спеши, путник. Сколько вокруг всяких благ. Возьми в рот круглую мякоть плода, вкуси раскаленным языком его благотворную влагу, поддержи ее во рту, осознай все ее разнообразные ароматы, проглоти и ощути полостями своего тела. Дай плоды спутнице и посмотри, как откроются ее глаза, разбегутся морщинки, выпрямятся плечи и спина, поцелуй ее в губы, влажные от кисло-сладкого сока. А теперь – вперед, к перевалу, где узнаешь, что час ходьбы отделяет знойный поселок от горной прохлады и освежающего ветра